

М.С. Пелевин

Преступления и наказания в *Гулистане Са'ди*

В статье подробно рассматриваются казусы уголовно-правового характера, которые встречаются в сюжетах *Гулистана Са'ди* (ум. 1292) — хрестоматийного произведения средневековой персидской классики. Исследование показало, что в назидательных рассказах Са'ди в той или иной степени упомянуты почти все типы преступлений и наказаний, устанавливаемые доктриной мусульманского уголовного права (*'уқубāt*). Очевидное стремление Са'ди сместить приоритет судебной власти с исламского института юрисдикции (*қадā'*) в пользу административных властей, с одной стороны, отражает общие тенденции в истории шариатского уголовного судопроизводства, а с другой — персональные взгляды автора по поводу абсолютного превосходства Божьего суда над судом людей.

Ключевые слова: персидская литература, социально-исторические реалии, мусульманское право.

Комментирование *Гулистана* (1258) — хрестоматийного произведения средневековой персидской классики, принадлежащего перу Са'ди Ширазского (ум. 1292), — обычно имеет стандартную историко-филологическую направленность и заключается либо в разъяснении грамматических особенностей и лексики языка памятника, либо в толковании многочисленных личных имен (исторических и легендарных), географических названий, прямых и скрытых цитат из священных и иных текстов, отголосков религиозных преданий, литературных и исторических сюжетов, реалий культуры и быта. Само произведение относится к популярному на средневековом мусульманском Востоке жанру социальной дидактики, поэтому критической оценке в нем, как правило, неизбежно подвергаются морально-этические наставления и религиозно-философские рассуждения автора, а также сопутствующие им псевдо-биографические сведения¹.

К настоящему времени текст *Гулистана* с филологической точки зрения изучен почти досконально. Тем не менее этот выдающийся памятник средневековой персидской словесности содержит еще немало любопытных фактов, выходящих за пределы интересов филологов-иранистов и историков персидской литературы. В этой статье кратко суммированы факты, относящиеся к сфере правоотношений, а именно к той части классического мусульманского права, которая именуется *'уқубāt* или *муджāзāt* (буквально «наказания») и примерно соответствует нашему понятию «уголовное право»².

¹ Критическое издание оригинального текста *Гулистана* с филологическим переводом на русский язык (Са'ди, 1959); художественный перевод на русский язык (Саади, 1957). О творчестве Са'ди см.: Masse, 1919; Arberty, 1958, p. 186–213; Рупка, 1968, p. 250–253; Morrison, 1981, p. 59–63; Yohannan, 1987; Davis, 1999 и др.

² Изложение общих начал мусульманского права Schacht, 1964, p. 175–187; Maydani, 1955, p. 223–235; Siddiqi, 1979; Lippman, McConville, Yerushalmi, 1988; Sanad, 1991; Петрушевский, 2007, с. 176–186; Ван ден Берг, 2006, с. 165–181 и др.

Конечно, составляющие *Гулистāн* развлекательные и поучительные рассказы, анекдоты, стихи, басни, афоризмы, сентенции никоим образом не являются историческими источниками и лишь косвенно характеризуют социально-историческую обстановку в мусульманском мире на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху монгольского завоевания. Однако, учитывая бесспорную литературно-художественную и социальную значимость *Гулистāна* как одного из лучших персидских этико-дидактических сочинений, оказавших заметное влияние на последующее развитие письменной словесности иранских народов, следует признать также его безусловную адекватность в отражении духовного состояния средневекового мусульманского общества. Памятуя при этом о тесной связи морали и права, имеет смысл внимательнее приглядеться к тем рассказам и анекдотам, где правовые отношения людей играют ключевую роль в построении сюжетов.

Автор *Гулистāна*, судя по его многочисленным произведениям, был хорошо образован в области традиционных мусульманских наук, в том числе правоведения (*фиqh*). Его полулегендарная биография сообщает о том, что Са'дй обучался в багдадском медресе Низāмиййа, одном из лучших мусульманских учебных заведений того времени, основанном в 1069 г. Преподававшиеся в Низāмиййи схоластическое богословие и право опирались на доктрину богословско-правовой школы (*мазхаб*) суннитов-шāфи'итов. Если Са'дй действительно учился в этом заведении, его религиозно-правовые взгляды должны были соответствовать шāфи'итской идеологии. Однако социальная дидактика Са'дй имеет слишком общий характер, что не позволяет безоговорочно привязать ее к доктрине определенной школы.

В рассказах *Гулистāна*, общее число которых превышает 180, можно насчитать около двух с половиной десятков случаев, когда сюжет или его отдельные элементы связаны с совершением тех или иных преступных деяний и (или) назначением и применением наказаний. Из этих случаев только один носит полностью сказочный характер: крестьянского сына безосновательно приговаривают к смерти только потому, что его желчь якобы способна исцелить царя от тяжелого недуга (1.22)³. Любопытно, однако, что в этом сказочном рассказе (в отличие от многих других, имеющих более правдоподобные сюжеты) несправедливое решение принимает именно мусульманский судья (*қазй*). Автор, видимо, неслучайно ввел здесь фигуру судьи. С одной стороны, он хотел таким образом показать свое критическое отношение к суду как одному из органов правоохранной деятельности (см. ниже). С другой, ему нужно было придать видимость законности заведомо фантастическому приговору. Полагаю, образованные современники Са'дй должны были воспринимать фабулу рассказа исключительно как плод литературного вымысла, и автор посчитал нужным как-то ослабить ее очевидную всем сказочность.

Согласно классической доктрине мусульманского права, преступные деяния распределяются по трем категориям в зависимости от типа назначаемых за них наказаний: 1) *қадд* («предел») — нормированное наказание, вид и размер которого строго установлены религиозным законом; 2) *қис'ас* («возмездие») или *дийа* («вира») — возмещение за причинение вреда жизни и здоровью; 3) *та'зйр* («осуждение», «порицание») — наказание, вид и размер которого определяются по усмотрению судьи.

Наказания первого типа назначаются за деяния, рассматриваемые доктриной как преступления против веры или — иначе — нарушающие «право Аллаха» (*қаққ Аллāх*). Эти деяния упоминаются в Коране и составляют ограниченный перечень: незакон-

³ В скобках указываются номера главы и рассказа по современному иранскому изданию (Са'дй, 1371/1993).

ные сексуальные отношения, ложное обвинение в незаконных сексуальных отношениях, употребление вина, кража, вооруженный разбой с посягательством на общественный порядок, вероотступничество⁴. За исключением последнего, в *Гулистāне* так или иначе присутствуют все эти правонарушения.

Кража (*сирқат*) является центральным событием трех рассказов второй главы (2.4, 2.5, 2.13). В одном из них вор совершает попытку кражи в доме нищего, но ничего не находит и получает от добросердечного хозяина подстилку в качестве своеобразного подарка-компенсации. В другом вор крадет шкатулку с драгоценностями из замка, а наказанными вместо него оказываются его невинные спутники. Герой третьего — бедный дервиш — совершает кражу молитвенного коврика из дома своего друга, предстает перед судом, но освобождается от наказания благодаря хитроумному заступничеству хозяина коврика.

Во всех трех случаях обстоятельства совершенного преступного деяния, по нормам мусульманского права, позволяют квалифицировать его именно как кражу, подлежащую нормированному наказанию-*хадд*. Все субъекты этих преступлений — совершеннолетние вменяемые лица, действовавшие без принуждения и с умыслом. Их намерение состояло в том, чтобы незаконно присвоить имущество, находящееся в собственности другого лица и хранящееся в «защищенном месте» (*хирз*), во всех указанных случаях — в жилище потерпевшего. Нормированным наказанием за подобное преступление, совершенное впервые, является отсечение части кисти правой руки. Это наказание предписано Кораном: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» (Коран 5:42/38)⁵. В одном из рассказов третьей главы *Гулистāна* (3.26) вор упрекает нищего за то, что тот ради подаяния в унижении протягивает руку, а нищий в свою очередь заявляет: «Лучше протянуть руку за зернышком серебра, чем лишиться ее из-за четверти [золотого динара]».

К нормированному наказанию за кражу приговаривается только герой третьего из упомянутых рассказов — бедняк, укравший у друга молитвенный коврик. В первом случае дело вообще не доходит до суда, а во втором виновный скрывается с украденным, и его спутников несправедливо наказывают — избивают и бросают в темницу — лишь по подозрению в совершении кражи.

Исход дела с похищением коврика в правовом отношении имеет у Са'дй примечательные детали, в целом соответствующие букве исламского закона. Потерпевший хочет простить виновного, но по закону прощение (*'афв*) не имеет юридической силы в отношении преступлений, нарушающих «право Аллаха». Судья замечает по этому поводу: «Я не перейду пределы (*хадд*) закона (*шар'*) из-за твоего заступничества». Тогда добросердечный потерпевший прибегает к методу правовой аналогии (*қийās*), приравнивая кражу, совершенную в его собственном доме, к краже имущества, находящегося в *вақфе*. *Вақф* — это мусульманский правовой институт, означающий добровольное отчуждение какого-либо имущества из частной собственности на благотворительные нужды с его полным или частичным изъятием из гражданского оборота. Некоторые мусульманские теоретики права считают такое имущество

⁴ В литературе иногда по-прежнему встречается не совсем точное суждение о том, что нормированные наказания за эти деяния установлены Кораном. На самом деле строгая градация видов и размеров наказаний типа *хадд* в своем окончательном виде является продуктом правовой доктрины (*фикх*), то есть более поздней интерпретацией коранических предписаний. К такой интерпретации, например, относится наказание в виде побивания камнями за прелюбодеяние, совершенное лицами, состоящими в законном браке. Коран в данном случае говорит только о наказании в виде бичевания в размере ста ударов кнутом (24:2), что правовая доктрина относит к случаям, когда прелюбодеяние совершено лицами, не состоящими в браке. Подробнее на эту тему см.: Бертон, 2006, с. 131–144.

⁵ Цитаты из Корана приводятся по переводу И.Ю. Крачковского (Коран, 1963).

перешедшим в «собственность» Аллаха. Кража имущества, переданного в *вакф*, согласно закону, не влечет за собой наказания-*хадд*, то есть отсечения конечности. Потерпевший, тоже бедняк, сравнивая свое имущество с имуществом *вакфа*, намекает на то, что он только пользуется им, но не владеет на правах собственности. «Бедный не имеет собственности», — говорит он.

Судья удовлетворяется такой аналогией, хотя она, во-первых, неадекватна с юридической точки зрения, а во-вторых, применение метода аналогии дозволялось только высшим авторитетам богословия и права, причем во времена Са'ди правовая доктрина уже сильно ограничивала возможности использования этого метода. Тем не менее, согласие судьи с аналогией, предложенной потерпевшим, не воспринимается как абсолютный вымысел. Дело в том, что средневековые мусульманские судьи, как показывают исторические источники, предпочитали избегать назначения наказаний типа *хадд*, особенно связанных с членовредительством или лишением жизни. Отнюдь не последней причиной этого было элементарное желание не брать грех на душу вследствие судебной ошибки, вероятность которой, принимая во внимание особенности мусульманского судопроизводства, была высока. Порядок и правила исламского судебного процесса несли на себе печать идеализма правовой теории и плохо соотносились с действительностью, особенно применительно к делам уголовного характера. Таким образом, отказ судьи назначить *хадд* в рассказе Са'ди вполне соответствует тенденциям реальной судебной практики.

В итоге разбирательства судья ограничивается порицанием виновного, что соответствует сущности и содержанию наказаний типа *та'зир*.

Не менее четырех раз в *Гулистане* говорится о вооруженном разбое, именуемом в доктрине *қат' ат-тарйқ* («прерывание пути») или *муҳараба ва фисад фй-л-'ард* («вооруженная борьба и бесчинства на земле»). Обычно Са'ди просто сообщает об ограблении разбойниками торговых караванов (2.18, 5.18, 7.16). В одном случае грабителями оказываются индусы, то есть немусульмане, к которым наказание *хадд* не применяется. Другое ограбление происходит «в греческих землях», поэтому преступниками здесь тоже могут быть немусульмане.

Только в одном рассказе (1.4) содержится развернутое повествование о борьбе властей с шайкой грабителей, точнее, с арабским племенем, занимавшимся разбойным промыслом. После поимки разбойников всем им назначается наказание в виде смертной казни. Возможные виды наказаний за подобное преступление установлены Кораном: «Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли. Это для них — позор в ближайшей жизни, а в последней для них — великое наказание...» (Коран 5:37/33). Правовая доктрина позволяет судье самому выбрать наказание из перечисленных в Коране четырех видов, но некоторые правоведы предлагали судьям руководствоваться такими правилами: смертная казнь назначается за убийство, отсечение конечностей — за захват имущества, распятие живьем на кресте — за убийство и захват имущества, совершенные одновременно.

В рассказе Са'ди решение о наказании принимает правитель, но не судья. С одной стороны, это также соответствует реальной исторической практике, поскольку судьи, как правило, не обладали достаточными возможностями и компетенцией для расследования и пресечения преступлений типа *қат' ат-тарйқ*, и правоохранительные функции в таких случаях брали на себя именно административные власти.

С другой стороны, ввести в рассказ фигуру судьи автору мешала одна важная деталь сюжета. Дело в том, что среди разбойников присутствует малолетний, «плоды

расцвета молодости которого еще только подросли, а поросль сада его щек недавно пробилась». Са'дй не уточняет его возраст, но в одном месте он назван словом *тифл*, означающим в правовой терминологии малолетнего недееспособного ребенка. К малолетним детям наказания типа *хадд* не применяются, поэтому если бы дело решал мусульманский судья, он бы не мог приговорить ребенка к смертной казни, и для спасения жизни мальчика не потребовалось бы заступничество царского *вазйра*, как это происходит по сюжету Са'дй. Автору нужно было ярче выразить мысль о том, что милосердие и доброе отношение не всегда идут на пользу дурным людям. В его рассказе помилованный разбойничий сын спустя два года собирает собственную шайку и при первом же удобном случае убивает и грабит своего благодетеля («В конце концов волчонок станет волком, даже если будет расти рядом с человеком»).

Об употреблении вина (*хамр*) как правонарушении Са'дй говорит дважды в сходных контекстах (3.14 и 7.10). В обоих случаях виновный (из низших социальных слоев) «выпил вина, устроил драку и пролил чью-то кровь». Наказанием за умышленное питье вина является бичевание в размере восьмидесяти или сорока ударов плетью (в зависимости от взглядов, принятых в той или иной юридической школе)⁶. У Са'дй об этом наказании ничего не сообщается, так как в обоих рассказах пьянство сопровождается и, по всей видимости, поглощается более тяжким преступлением — убийством.

Кроме того, во все времена в мусульманском мире запрет на употребление вина оставался лишь мертвой буквой религиозного закона. Вино и прочие алкогольные напитки употреблялись всегда и повсеместно, начиная со времени самого пророка Мухаммада. О широкой распространенности этой практики свидетельствуют и религиозные предания, и многочисленные исторические источники, и многовековая лирическая поэзия. Неслучайно наказание за питье вина не предусмотрено Кораном, где о вине говорится только как о «мерзости из деяния Сатаны» (Коран 5:92/90), то есть его употребление признается грехом, но не преступлением. Мнение о преступности этого деяния сформировалось в период систематизации доктрины мусульманского права, причем в большей степени как отвлеченная от жизни теоретическая конструкция. Разные источники показывают, что нормативное наказание применялось, как правило, только за публичное употребление вина и связанное с этим вызывающее антиобщественное поведение.

Между прочим, в том же *Гулистане* есть сюжеты, где алкогольное опьянение персонажей не рассматривается в качестве правонарушения. Например, в рассказе 1.13 охмелевший на ночной пирушке царь беседует с дервишем, восхваляя свое нетрезвое состояние такими словами: «В этом мире нет у нас мгновения, приятнее этого, когда нет у нас забот и беспокойств ни о чем и ни о ком», а в рассказе 2.38 молодой человек, лежащий пьяным на дороге, призывает проходящего мимо придирчивого аскета отнестись к нему с должным снисхождением и благородством.

Незаконные сексуальные отношения (*зинā*'), иногда не совсем точно называемые прелюбодеянием, в книге Са'дй представлены несколькими случаями гомосексуализма. В классической правовой доктрине ислама нет единства мнений относительно того, подлежат ли гомосексуальные отношения наказанию типа *хадд*. Пожалуй, только *ши'иты-джаф'ариты*, чья богословско-правовая школа является господствующей в современном Иране, твердо относят гомосексуализм к нарушениям «права Аллаха». В уголовном кодексе Исламской Республики Иран мужеложство (*ливāt*) и лесбиянство (*мусāхақа*) числятся среди правонарушений, подлежащих нормированному наказанию-*хадд* (статьи 108–134) (Қанун, 1383/2004, с. 60–64).

⁶ В шафи'итской доктрине, которую Са'дй, возможно, изучал в Багдаде, наказание за употребление вина составляет сорок ударов плетью.

За вступление в незаконную сексуальную связь Коран предписывает бичевание в размере ста ударов плетью: «Прелюбодея и прелюбодейку — побивайте каждого из них сотней ударов. Пусть не овладевает вами жалость к ним в религии Аллаха, если вы веруете в Аллаха и в последний день. И пусть присутствует при их наказании группа верующих» (Коран 24:2). Интерпретируя это кораническое положение и сунну пророка, правовая доктрина позднее сделала различие в наказании для лиц, состоящих и не состоящих в браке. Первым за прелюбодеяние должна назначаться казнь в виде побития камнями, для вторых сохраняется наказание, определенное в Коране.

Что касается мужеложства, то наказание за него зависит от характера совершенных действий. Смертная казнь устанавливается за совокупление; за прочие действия в соответствии с кораническим предписанием назначается бичевание в размере ста ударов плетью (сам акт при этом, естественно, должен быть умышленным и добровольным, а виновный — совершеннолетним вменяемым лицом).

У Са'дй в рассказе 5.20 виновным в мужеложстве является некто иной, как главный служитель закона — мусульманский судья-*қазй*. При этих обстоятельствах высшей судебной инстанцией сообразно реальной исторической практике вновь становится местный правитель как субъект административной власти. Правитель сперва не верит словам доносчиков о предосудительном поведении судьи и лично с несколькими приближенными является на место преступления. Таким образом, выполняется правило закона о том, что факт мужеложства, подлежащего нормированному наказанию, может быть установлен свидетельством четырех мужчин, имеющих достойную репутацию. Представшая перед правителем картина не оставляет у него сомнений в виновности судьи: «Увидел он: свеча стоит, любовник сидит, вино пролито, чаша разбита, а судья в пьяном дурмане не ведает о земном бытии».

Далее следует любопытный с правовой точки зрения эпизод. Судья, очнувшись, хочет принести покаяние (*тавба*), которое, согласно закону, может избавить виновного от наказания-*қадд*, но только в случае, если оно сделано до публичного представления свидетельств о совершении преступления. При этом судья еще цитирует *қадйс* — «Не закроет Он [двери покаяния] для рабов, пока не взойдет солнце с запада». Однако по сюжету рассказа такое покаяние было бы юридически несвоевременным: правонарушителя застigli на месте преступления, и неопровержимые свидетельства его виновности уже были налицо. Поэтому на просьбу о помиловании правитель справедливо отвечает судье: «Покаяние в этом положении, когда ты узнал о [грозящей тебе] смерти, пользы не имеет».

Не считая возможным выступить «против закона» (*хилāф-и шар*⁷), правитель принимает решение казнить виновного, сбросив его со стены замка. Правда, в конце концов автор *Гулистāна* находит для своего незадачливого персонажа уловку, помогающую ему избежать сурового наказания.

В другом рассказе (7.19) Са'дй, рассуждая о печальных следствиях нищеты, приводит пример с одним дервишем, которого схватили за «мерзость с юношей» (*қадаc-й бар ҳабac-й*), заклеили позором и собирались побить камнями. Применение именно этого наказания в данном случае было бы нарушением буквы закона, но об исходе дела автор *Гулистāна* ничего не сообщает.

Основанием для наказания сексуальная связь выступает еще в рассказе 1.40, но описываемая здесь ситуация находится вне правового контекста. Во-первых, участники сексуальной связи — рабыня-китаянка и раб-африканец, — вероятно, не являются мусульманами, и, таким образом, не могут быть субъектами преступления «против Аллаха». Во-вторых, сама их связь не может считаться незаконной, поскольку

ку по сюжету рабыня была подарена рабу их хозяином — правителем. То, что хозяин в момент дарения рабыни находился в состоянии алкогольного опьянения, не лишает его действий юридической силы, поскольку, согласно нормам мусульманского права, состояние опьянения влияет на дееспособность только в том случае, если оно является следствием добросовестного заблуждения или принуждения с применением силы. Правитель же оказался в таком состоянии явно по собственной воле для получения удовольствия. Его последующее желание казнить рабов за невоздержание — сбросить с крыши дворца в ров — не имеет никаких законных оснований. Жестокое самодурство правителя нейтрализуется мудростью его советника-*вазйра*, в демонстрации которой, собственно, и заключается назидательная цель рассказа.

С преступлением *зинā* тесно связано другое деяние, подлежащее наказанию-*хадд*, — ложное обвинение в незаконных сексуальных отношениях (*казф*). Этот, на первый взгляд, общественно малоопасный проступок получил статус правонарушения, направленного «против Аллаха», еще при жизни пророка Мухаммада в связи с тем, что одна из его жен — тринадцатилетняя (!) ‘А’иша — была обвинена в прелюбодеянии (Большаков, 1989, с. 126–131). Вслед за этим обвинением Мухаммаду снизошло божественное откровение, в котором в частности содержалось такое предписание: «А те, которые бросают обвинение в целомудренных, а потом не приведут четырех свидетелей, — побейте их восемьюдесятью ударами и не принимайте от них свидетельства никогда; это — распутники...» (Коран 24:4).

Беглое упоминание о правонарушении-*казф* содержится в рассказе *Гулистан* 5.12, где некий ученый муж, отвечая на вопрос о том, можно ли преодолеть плотское вожделение, когда имеются все подходящие условия для интимной близости — «некто уединился с лунолицой, дверь заперта, соперники спят, плоть желает, влечение одолевает», — высказывает мысль о том, что спастись от искушения можно, но нельзя обезопасить себя от злых языков клеветников. Конечно, в своем рассказе Са‘дй затрагивает опять-таки только этическую сторону вопроса, а не правовую. Однако нужно иметь в виду, что описанные им обстоятельства интимной встречи (уединение в закрытом помещении) вполне соответствуют признаваемой законоведами юридической фикции, дающей реальное основание для обвинения участника такой встречи в незаконных сексуальных отношениях.

Общественно опасные преступные деяния, связанные с причинением вреда жизни и здоровью (*джинāйт*), не занимают в сюжетах *Гулистана* очень заметного места, что еще раз косвенно подтверждает несостоятельность расхожих обывательских представлений о Средневековье — будь то в мусульманском мире или в христианской Европе — как о времени тотального насилия и беззакония. Выше уже упоминались два рассказа (3.14 и 7.10) с однотипной ситуацией, в которой виновный под воздействием алкогольного опьянения устраивает драку и совершает убийство.

В отношении убийства (*катл*) и телесных повреждений (*джинāйат ‘алā ‘узв*) исламское право опиралось как на традиции обычного права доисламских арабов-бедуинов, так и на соответствующие законы религии иудеев. Явно из иудаизма в ислам пришло понятие талиона — равного возмещения за нанесенный ущерб. С прямой ссылкой на Тору в Коране говорится: «И предписали Мы им в ней (Торе. — М.П.), что душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и за раны — отмщение. А кто пожертвует это милостыней, то это — искупление за него...» (Коран 5:49/45). Причинение вреда жизни и здоровью рассматривается правовой доктриной ислама как преступление, нарушающее «право человека» (*хаққ ал-инсāн*), то есть влекущее за собой уголовное преследование только по частному иску, а наказанием за это преступление, в зависимости от степени виновности и обстоя-

тельств его совершения, устанавливаются либо равное возмещение, либо материальная компенсация.

В одном из двух рассказов Са'дй виновному в убийстве назначают наказание в виде равного возмещения, то есть казни: «Теперь его приговорили к возмездию (*қиқāс*)». По сюжету другого рассказа виновный скрывается от правосудия, но «из-за него» (*ба 'иллат-и у*) заключают под стражу его отца. С точки зрения буквы закона, такое недопустимо, поскольку ответственность за умышленное убийство должен нести только виновный. Если он скрывается и остается недоступным для применения к нему наказания в виде возмездия, из его имущества родственникам потерпевшего выплачивается материальная компенсация *ди'а*. При отсутствии или недостаточности имущества обязательство по уплате виры переходит к близким родственникам виновного, его законным наследникам. В описанной Са'дй ситуации это обязательство переходит к отцу виновного. Однако из рассказа нам известно, что отец был беден и не имел достаточных средств для уплаты виры за умышленное убийство. Размер такой виры велик: согласно нормам правовой доктрины, он составляет сто здоровых в меру упитанных верблюдов или тысячу беспримесных золотых динаров. Если близкие родственники виновного не имеют возможности уплатить виру, требуемая сумма в идеале должна выделяться из государственной казны.

Сообщая о заключении отца виновного под стражу, Са'дй вряд ли дает здесь волю своей фантазии, но вновь изображает историческую реальность. Разбирательством дел, связанных с причинением вреда жизни и здоровью, обычно занимались административные власти (в рассказе это — *шихна*, глава городской полиции), которые, как правило, отступали и от материальных, и, тем более, от процессуальных норм правовой доктрины. Порядок и правила исламского судопроизводства в значительной степени пронизаны религиозным идеализмом и теоретическими абстракциями, что на практике всегда мешало фактическому осуществлению правосудия. Отец виновного из рассказа Са'дй в реальности вполне мог оказаться в заключении у властей либо просто за неуплату виры, либо в качестве заложника, своего рода гаранта обеспечения обязательств по иску о возмещении вреда.

Любопытный случай не санкционированного судом возмездия за нанесение ранения изложен Са'дй в рассказе о жестоком воине, бросившем камень в голову дервиша (1.21). Потерпевший побоялся сразу обратиться к кому-либо с жалобой на своего притеснителя, но дождался дня, когда тот оказался в опале у царя и был посажен в тюремную яму. Воспользовавшись беспомощным положением обидчика, дервиш совершил в отношении него *қиқāс* — точно так же бросил ему в голову тем же самым камнем. Хотя дервиш выполнил главное условие *қиқāса* об обязательной равноценности ответного ущерба, тем не менее, его действия были самовольными, а следовательно — незаконными. Автор же не только всецело стоит на стороне обиженного бедняка, но еще и проповедует идею о целесообразности сопротивления злу только тогда, когда оно слабое.

Вопрос о покушении на преступление в мусульманском праве не получил должной теоретической разработки. Общий подход к этому вопросу заключается в том, что умышленные действия, являвшиеся покушением на преступление, которое не было осуществлено, подлежат наказанию только в том случае, если они сами содержат признаки преступного деяния. В *Гулистāне* есть несколько сюжетов, где действия персонажей представляют собой неудачные попытки совершить то или иное преступление. Выше, например, уже упоминался сюжет с покушением на кражу (рассказ 2.4). Теоретически виновный здесь мог быть наказан по меньшей мере за незаконное проникновение в чужое жилище. О покушении на убийство говорится в рассказе 1.3., где сыновья царя из зависти пытаются отравить своего родного брата, подсыпав яд в

его еду. Судьей в данном случае выступает, естественно, сам царь. К сыновьям-завистникам он применяет легкое наказание, определенное Са'дй словами *гуммалй ба ваджиб* — «наказание по заслугам». Вероятно, речь идет просто об устном порицании (буквально *гуммалй* означает нечто вроде «трепка ушей»), поскольку далее по сюжету царь дарит всем сыновьям по куску из своих владений для прекращения семейных раздоров.

Большое число фигурирующих в *Гулистане* правонарушений относится к той категории, которая сопряжена с понятием *та'зйр*, означающим исправительное наказание, назначаемое по усмотрению судьи. Таким наказанием в зависимости от вида правонарушения, обстоятельств его совершения, степени вины, личности правонарушителя может быть порицание, штраф, бичевание, тюремное заключение, изгнание, предание публичному позору и пр. Фактически правонарушения, подлежащие наказанию-*та'зйр*, включают в себя все те, что не подпадают под категории *хадд* и *қишас*. Благодаря существованию наказаний типа *та'зйр* мусульманское уголовное право было относительно гибким и имело возможность для адаптации к изменяющимся во времени социальным условиям. С одной стороны, законодательная неопределенность *та'зйра* оставляла открытым перечень противоправных деяний и позволяла, таким образом, распространять нормативное регулирование на любые виды правонарушений независимо от ранее сложившихся теории и практики. С другой — специфика многих правонарушений, подлежащих *та'зйру*, как и сами виды этого наказания, открывала дорогу административной власти для вторжения в сферу судопроизводства.

Неслучайно в *Гулистане* разбирательством почти всех дел, связанных с правонарушениями категории *та'зйр*, равно как и вынесением наказаний за них занимаются представители высшей административной власти. В сфере компетенции правителей в первую очередь оказываются дела, связанные с противоправными действиями самих административных органов, такие как злоупотребление служебным положением, превышение полномочий, незаконное применение насилия. Так, в рассказе 1.20 правитель вершит суд над безрассудным чиновником, который «разорял жилища подданных, чтобы процветала казна султана», а в следующем за ним рассказе 1.21 царь наказывает своего чрезмерно жестокого воина. Когда субъектом административных злоупотреблений становится сам правитель, притесняющий народ несправедливыми поборами, судебная форма защиты прав при отсутствии высшей инстанции сменяется политическим переворотом (рассказ 1.6).

Другой круг дел, относящихся к компетенции властей, охватывает различные преступления против государства. В *Гулистане* все подобные дела касаются необоснованных обвинений в предательстве (*хийанат*) или шпионаже (*джасусй*): в государственной измене завистники обвиняют преуспевающего чиновника (1.16) и сына военачальника, фаворита царя (1.5), а подозрение в шпионаже падает на двух странствующих дервишей (3.6).

Административные и государственные преступления в рассказах Са'дй, как правило, наказываются тюремным заключением, снятием с должности, конфискацией имущества и даже пытками, что не противоречит историческим источникам и документам о методах правоприменительной деятельности властей. Стоит добавить, что в истории мусульманских государственных институтов подобное административное судопроизводство обычно называлось *назар фй-л-мазалим* — «рассмотрение жалоб» (от *мазлимат* «насилие, притеснение» и «жалоба»).

В числе проступков, подлежащих наказанию *та'зйр*, в *Гулистане* встречаются оскорбление чести и достоинства (1.34), бегство раба (1.23) и мошенничество (1.32).

Словесному оскорблению подвергается сын легендарного халифа Хārūна ар-Рашида (правил 786–809). Приближенные халифа советуют применить по отношению к виновному заведомо абсурдное наказание — или казнить его, или вырвать ему язык, или изгнать из страны, конфисковав имущество, но сам Хārūн предлагает сыну простить виновного, а если это невозможно, — применить *қиṣāṣ*, оскорбив его теми же словами. В действительности за подобный проступок мусульманский судья скорее должен был сделать устный выговор или назначить штраф. Беглого раба, принадлежащего хорасанскому правителю Амру Ибн Лайсу (правил 878–899), тоже сперва собираются казнить по наущению советника-*вазйра*, что противоречит нормативным положениям правовой доктрины, рекомендующей применять к беглым рабам наказание в виде бичевания. Правда, по сюжету раб находит хитрый способ вообще избежать наказания. Помилования добивается также мошенник, выдающий себя за потомка праведного халифа ‘Али (ум. 661), набожного паломника и автора поэмы, принадлежащей на самом деле перу известного персидского поэта Анварй (ум. 1190). Поскольку мошенник лжет самому царю, а за поэму даже получает вознаграждение, вполне обоснованным с правовой точки зрения является решение царя наказать его бичеванием и изгнанием из страны. Автор *Гулистāна* спасает своего героя от наказания, вложив в его уста слова, которые, как считают исследователи, служат своего рода предостережением Са‘дй от того, чтобы видеть в его рассказах историческую достоверность: «Если чужестранец подносит тебе простоквашу, [знай, что] это две меры воды и лишь одна ложка кислого молока; хочешь правду, послушай меня: человек, поймавший мир, говорит много лжи».

В систему рассмотренных выше трех категорий наказаний за уголовные и административные правонарушения не входят меры воздействия, применяемые к немусульманам, захваченным в плен в результате военных действий. По общему правилу, высшая мера наказания — смертная казнь — назначается в данном случае только совершеннолетним лицам мужского пола, отказывающимся принять ислам. Возможно, именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в самом первом рассказе *Гулистāна*, начинающемся словами: «Слышал я об одном государе, который дал указание казнить пленника». О том, что пленник был иноверцем, в рассказе не сообщается, но судя по всему, он говорил на языке, непонятном правителю-мусульманину.

Субъекты преступных деяний у Са‘дй занимают все ступени социальной лестницы. На самом ее верху стоит правитель (*малик*), который чинит беззаконие и разоряет подданных. Далее идет ближайшее окружение правителя: сыновья одного царя пытаются отравить своего родного брата, дети придворных вельмож клеветают на сына военачальника (*сархангзāда*), сын другого военачальника словесно оскорбляет сына халифа. Жертвами клеветы, подозрений или даже произвола правителя несколько раз становятся чиновники высшего ранга, но один из *вазйров* на самом деле злоупотребляет своим положением, устраивая незаконные поборы. Из среднего сословия правонарушителями являются сексуально невоздержанный судья (*қāзй*) и жестокий воин (*лашкарй*), а ложно обвиненными — некий благородный господин (*хвāджа*) и чиновник (*дйвāнй*). Представители низшего сословия, участвующие в сюжетах с преступлениями и наказаниями, — это в основном те, кого Са‘дй называет *дарвйшами*, причем собственно дервиши, то есть странствующие богомольцы-мистики, как правило, не совершают противоправные поступки, но несправедливо в них подозреваются (кража, шпионаж), а те, кто действительно в чем-либо виновны (кража, пьянство, драка, убийство, мужеложство), скорее просто бедные люди. Преступников из средних трудовых сословий — ремесленников или земледельцев — в *Гулистāне* нет. Лишь однажды, в рассказе со сказочным сюжетом, к смертной казни незаконно при-

говаривается сын крестьянина. На самой низкой ступени социальной лестницы среди правонарушителей *Гулистāна* находятся рабы и люмпены — воры и разбойники (*дуздāн*), а также бродяга-мошенник (*шаййād*).

Все подозреваемые, обвиняемые либо наказанные — лица мужского пола. Примерное соотношение виновных и невиновных — два к одному.

Что касается субъектов правоприменительной деятельности, выносящих приговор или назначающих наказание, то ими в *Гулистāне* в подавляющем большинстве случаев выступают представители высшей административной власти: цари, халифы, местные правители и т. п. Как уже неоднократно говорилось выше, судебные полномочия правителей проистекали не из теоретических установок правовой доктрины, но из потребностей реальной исторической практики. Власти постоянно вторгались в сферу судопроизводства, особенно когда речь шла об административных и государственных преступлениях либо требовалось осуществить сложные действия, связанные с досудебным расследованием. Доктрина мусульманского права, как известно, не признает никаких следственных процедур вне рамок суда. Однако, учитывая строгую регламентацию судебного процесса и допуская естественную возможность лжи под присягой, понятно, что в ходе судебного разбирательства судья-*қāзй* не способен безошибочно устанавливать факты сложных по составу преступных деяний. Поэтому уже в ранний период истории исламской государственности правоприменительные функции в области многих уголовных дел перешли к полицейским органам (автор *Гулистāна* употребляет для обозначения этих органов распространенный термин *шхсна*).

Правители у Са'дй превyšают свои юридические полномочия фактически только в тех случаях, когда принимают решения по делам, относящимся к преступлениям «против Аллаха». Как административные органы они могут и должны помогать суду в пресечении и расследовании преступлений, но вынесение приговоров по таким делам — абсолютная прерогатива судей. Правда, в одном из подобных казусов (о мужеложстве) Са'дй, как уже отмечалось, делает виновным главного городского судью, поэтому переход дела в ведение правителя не кажется здесь противоречащим действительности. Нужно отметить также, что не менее четырех раз правители назначают наказания за правонарушения, либо остающиеся читателю неизвестными (рассказы 1.24, 1.30), либо формально вообще отсутствующие (страх перед царем, увещевание царя) (рассказы 1.8, 1.18).

Непосредственно судьи выносят в *Гулистāне* приговоры только по двум делам, одно из которых имеет откровенно сказочный характер (царю для излечения требуется желчь юноши), а второе, наоборот, точнее всех других освещает именно юридическую сторону (кража молитвенного коврика). В «сказочном» деле Са'дй, тем не менее, пытается сохранить элементы правдоподобия, в частности называя решение судьи, позволяющее пролить кровь невинного человека, словом *фатвā*. Собственно судебное решение, приговор обозначаются термином *хукм* (букв. «повеление»), а *фатвā* — это кратко сформулированное индивидуальное мнение авторитетного богослова-законоведа (*муфтй*) по какому-либо вопросу, причем не обязательно правовому. Важно то, что *фатвā* не только не является судебным решением, то есть результатом судебного процесса, но и не имеет обязывающей силы для судьи. В рассказе Са'дй действительно не происходит никакого судебного процесса — для него просто нет основания, — поэтому судья-*қāзй* не выносит приговор (*хукм*), но как авторитет в области закона по указке правителя высказывает свое дискреционное мнение (*фатвā*) по вопросу, не имеющему к тому же правовой природы.

Малозаметная роль судей в служении закону и справедливости у Са'дй, видимо, не случайна. Похоже, она объясняется не слишком доброжелательным отношением

автора к институту суда как таковому. В последней главе *Гулистанна* есть два отрывка, где Са‘дй высказывает не только расхожее обывательское, но явно и свое собственное мнение о правоприменительных органах мусульманского Средневековья: «Правитель (*шāх*) нужен для защиты от притеснителей, страж порядка (*шихна*) — для [усмирения] душегубов, а судья (*қāзй*) — для разрешения споров мошенников. Никогда два противника, благосклонные к истине, к судье не пойдут»⁷ (8.110) и «у всех людей оскомину набивает кислое, только у судей — сладкое. Если судья в качестве мзды [от тебя] съест пять огурцов, запишет в твою пользу десять огородов с дынями» (8.111).

Разумеется, и в идеальных представлениях и книжных назиданиях автора *Гулистанна* выше всех земных судебных и правоохранных институтов стоит высший, божий суд. Тема Судного дня и воздаяния — как посмертного, так и прижизненного — в разных вариациях и с разной смысловой направленностью звучит в наставительных рассказах *Гулистанна* повсеместно. Поскольку эта тема является предметом отдельного подробного анализа, здесь следует упомянуть только об одном рассказе, где наказание свыше воспринимается как замещение наказания земного (1.26). В этом рассказе жестокого перекупщика, наживающегося на перепродаже дров, приобретенных за гроши у бедняков, постигает небесная кара: сгорает дотла его товарный склад и прочее имущество. С точки зрения закона, в действиях перекупщика нет никаких признаков преступления, но автор *Гулистанна* считает его способ наживы аморальным, а в этом случае несправедливость может быть наказана только небесным судом.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать правовую характеристику тем сюжетам *Гулистанна* Са‘дй, где существенную функциональную роль играют какие-либо проступки и наказания. Анализ этих сюжетов показал, точнее, подтвердил то, что независимо от их происхождения — были ли они вымышлены, услышаны от других людей, извлечены из письменных источников, основаны на реальных фактах и личном опыте, — авторское воображение в них всецело оставалось в границах правосознания образованного мусульманина XIII в. Следуя правилам жанра дидактического рассказа и общим художественно-эстетическим принципам средневековой мусульманской литературы, Са‘дй никогда полностью не отходит от современной ему социально-исторической действительности.

Список литературы

- Бертон Дж.* Мусульманское предание: введение в хадисоведение / Пер. с англ. С.А. Жданова и М.Г. Романова. СПб., 2006. С. 131–144.
- Большаков О.Г.* История халифата. Т. 1. Ислам в Аравии (570–633). М., 1989.
- Ван ден Берг Л.В.С.* Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2006. С. 165–181.
- Қанун-и муджазāt-и ислаъий (Закон об исламских наказаниях). Тегеран, 1383/2004.
- Коран / Пер., комментарии и приложения акад. И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. Курс лекций / Под ред. В.И. Беляева. 2-е изд. СПб., 2007. С. 176–186.
- Саади Мушрифаддин.* Гулистан (Розовый сад) / Пер. с перс. Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина; подгот. текста, вступит. статья и примеч. Р. Алиева. М., 1957.
- Са‘дй.* Гулистан / Критич. текст, перевод, предисл., примеч. Р.М. Алиева. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. III).

⁷ Са‘дй, очевидно, хочет сказать, что честные люди не должны обращаться в суд для разрешения своих тяжб, поскольку в этом случае один из них неизбежно будет признан нечестным.

- Sa'dī*. Гулистан / Подгот. текста и глоссарий 'А. Кучакй. Изд. 3-е. Тегеран, 1371/1993.
- Arberry A.J.* Classical Persian Literature. L., 1958. P. 186–213.
- Davis R.* Sa'dī // Encyclopaedia of Islam. CD-ROM ed., v. 1.0. Leiden: Brill, 1999.
- Lippman M., McConville S., Yerushalmi M.* Islamic Criminal Law and Procedure: An Introduction. N. Y., 1988.
- Masse H.* Essai sur le poète Saadi. P., 1919.
- Maydani R.* 'Uqūbāt: Penal Law // Law in the Middle East / Ed. by M. Khadduri, H.J. Liebesney. Wash., 1955. P. 223–235.
- Morrison G.* Persian Literature (Belles-Lettres) from the Earliest Times to the Time of Jami // History of Persian Literature from the Beginning of the Islamic Period to the Present Day / Ed. by G. Morrison. Leiden–Köln, 1981. P. 59–63.
- Рупка J., et al.* History of Iranian Literature. Dordrecht, 1968. P. 250–253.
- Sanad N.* The Theory of Crime and Criminal Responsibility in Islamic Law: *shari'a*. Chicago, 1991.
- Schacht J.* An Introduction to Islamic Law. L., 1964. P. 175–187.
- Siddiqi M.I.* The Penal Law of Islam. Lahore, 1979.
- Yohannan J.D.* The Poet Sa'dī. N. Y., 1987.

Summary

M.S. Pelevin

Crime and Punishment in Sa'dī's *Gulistān*

The article examines some legal cases and various procedural aspects related to Islamic penal law (*'uqūbāt*, *mudjāzāt*) as they are interpreted in the homiletic and entertaining stories of Sa'dī's *Gulistān* (1258), the medieval Persian classics. The facts collected and discussed in the article show that the author touched upon almost all the types of offences and penalties covered by *ḥudūd*, *ḳiṣās* and *ta'zīr* regulations. Sa'dī's obvious inclination to shift the balance of judicial power in favour of administrative authorities rather than traditional *ḳāḍī* jurisdiction reflects historical realities in the functioning of Islamic penal procedure, as well as the author's personal views on absolute priority of Divine justice over human courts even of religious nature.